

ЭВЕНКИЙСКИЕ КОЛЕКЦИИ Е.И.ТИТОВА (1896-1938) В ИРКУТСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В последнее время к наследию Е.И.Титова все чаще обращаются писатели, археологи, этнографы, музееведы (Алкин, 2001; Титов, 2005). И это неслучайно. Научное творчество Е.И.Титова занимает особое место среди тунгусоведческих и, шире, сибиреведческих исследований. Среди интересовавших его тем - язык, фольклор, верования, соотношение праздника и обряда, проблемы землепользования и обычного права, современная культура и быт орононов Забайкалья. Хотя ученый оставил немного этнографических работ, все они отличаются нестандартными темами и подходами, написаны на основе богатых полевых материалов. Творчество Елпидифора Иннокентьевича в области этнографии и литературоведения и по прошествии времени не потеряло своей привлекательности благодаря незаурядному мастерству слова и некоему романтическому духу, ощущению радости жизни и ее многоцветия, хорошо читаемых во всех его произведениях.

Об ученом и собирателе

Елпидифор Титов родился в с.Тунгуй Забайкальской области в семье потомственных сибирских миссионеров, окончил духовную семинарию в Иркутске. Молодой человек великолепно рисовал и играл на скрипке, изучил в течение жизни восемь языков. Отказавшись идти по стопам предков и служить Богу в качестве священника, он стал служителем науки и литературы.

В 1919 г. Елпидифор Титов поступил на историко-филологическое отделение Иркутского университета, которое окончил в 1923 г. и был оставлен на кафедре русского языка у проф. А.И. Селищева. Он был первым председателем кружка "Народоведение", членом этнологической секции ВСОРГО (1922). Еще будучи студентом, он начал свои этнографические поездки по исследованию языка и культуры эвенков в район Северного Прибайкалья, в бассейн Верхней Ангары. В этих местах жили эвенки киндигирского, чильчагирского и шемагирского родов. Собранные в экспедициях предметы по этнографии эвенков, в т.ч.

шаманский костюм, вещи с похоронного лабаза он привез в Иркутский музей. Обработанные научные материалы послужили основой для научных, а также публицистических работ по этнографии эвенков Северного Прибайкалья. В Иркутске Е.И.Титов печатался в журнале "Сибирская живая старина", в журнале "Сибирские огни", в газете "Власть труда". Он был автором одного из первых тунгусско-русских словарей (Титов, 1924).

В 1925 г. Е.И.Титов познакомился с В.К.Арсеньевым и, по некоторым данным, выезжал с ним в экспедиции к народам Приамурья. Результатом совместной работы стали публикации по этнографии народов Дальневосточного края, статьи и рецензии (Арсеньев, Титов, 1927; 1928). В 1927-1930 гг. Е.И.Титов работал в Харбине в библиотеке КВЖД, директором которой был проф.Устрялов.

После возвращения из Харбина Е.И.Титов поселился в Хабаровске и занялся журналистикой, литературной критикой и публицистикой. "Незаурядным человеком и способнейшим литератором" назвал Титова его первый биограф (Сутурин, 1991: 96). Е.И.Титов был членом Союза писателей СССР, первым ответственным секретарем журнала "Дальний Восток". Много печатался в журналах "Сибирские огни" (Иркутск), "На рубеже" (Хабаровск), в газете Тихоокеанская звезда" (Титов, 2005).

Судьба Е.И.Титова сложилась трагически: он был репрессирован и расстрелян в Хабаровске в 1938 г. Долгое время имя Е.И.Титова находилось под спудом. Много для его восстановления сделал хабаровский краевед, историк и журналист А.С.Сутурин (Сутурин, 1991), а также родственники Е.И.Титова. Их стараниями вместе с Амурским городским краеведческим музеем вышел в свет мемориальный сборник "Я сын земли", где переизданы некоторые труднодоступные сегодня работы Титова и собраны сведения к его биографии (Титов, 2005).

Собирательская работа

Отдельную страницу в научных исследованиях Е.И.Титова составляет этнографическое музееведение,

собираТЕЛЬская работа. Е.И.Титов собрал интереснейшие предметы эвенкийской этнографии, которые сегодня стали уникальными в связи с исчезновением практики шаманства у эвенков Северного Прибайкалья.

Родная сестра Е.И.Титова Поликсена Иннокентьевна Титова в начале 1920-х гг. училась в Иркутске на медицинском факультете. Она оставила воспоминания о своем брате, датированные 30 августа 1976 г. "... Летом 1919 года отправился на север Байкала, в Усть-Баргузин и Нижнеангарск, а затем в бассейн Верхней Ангары. Привез из экспедиции большое количество обломков копий и стрел. Записал много эвенкийских слов, пословиц, поговорок и сказок. <..> Летом 1920 года он опять уехал - в Верхне-Ангарск. Вернулся через полтора месяца. Продал (или променял?) все свои вещи и обувь. На ногах - олочи (шерстяные чулки до колен с кожаной тонкой подошвой, кожаными носочками и запяточками). Причем рваные. Я, как могла, зашила их и надвязала. Брюки его были из нерпичьей кожи, весьма загрязненные<..> Вся его одежда пошла в обмен на костюм шамана. Забегая вперед, скажу, что когда Елпидифор попал в то село спустя два года, узнал, что шаман после его отъезда заболел "тоской" и умер. Местный врач диагностировал у него рак желудка. Тогда Еля был очень огорчен смертью шамана. И еще. В 1976 году, в апреле, мне с дочерью удалось побывать в Иркутском музее народоведения. Там имени Елпидифора Иннокентьевича совсем не знают. Имеющиеся два шаманских костюма помечены именами других приобретателей" (Титов, 2005:367-368).

Ранее мной был сделан общий обзор эвенкийских коллекций, включая коллекции, доставленные в Иркутский музей Е.И.Титовым (Сирина, 2001). Судя по документам фондов Иркутского областного краеведческого музея, в нем хранится три коллекции, собранные Титовым на севере Байкала у местных эвенков (тунгусов). Большинство предметов собраны по теме "шаманство", есть и орудия труда. К сожалению, у меня не было возможности поработать непосредственно с коллекциями Е.И.Титова, поэтому комментарии, которые я даю в тексте, следует рассматривать лишь как подготовительный этап для будущей атрибутивной работы и научного описания.

Коллекции Е.И.Титова и комментарии к ним

Первая коллекция (старый №25) датирована 1920 годом, собрана среди нижнеангарских тунгусов киндигирского рода. В нее вошли 29 предметов быта и культа, - орудия охоты, часть шаманского костюма и "онгоны" (в т.ч. из надземных, или воздушных, погребений).

Собирателем дана подробная характеристика собранных предметов. Ниже я полностью привожу ее. Описания скопированы из старых коллекционных описей по этнографии, которые являются важным историческим источником, потому что не все из сданного в музей сохранилось. Принцип хранения в современном музее осуществляется по материалу изготовления, поэтому коллекция оказалась разделена между различными хранениями. Часть новых номеров я привожу там, где есть сведения о сохранности этих

предметов. Некоторые предметы (например, № 25-1) экспонировались на выставках в музее.

Ниже воспроизводится описание коллекции № 25, которая поступила в феврале 1920г.

1. "Часть шаманского костюма - железная вогнутая пластинка с семью подвесками: 1) лодка (аочё); 2) человек; 3) олень (орон) с погоняльной палкой и седоком; 4) медведь (ман(г)и); месяц (бэхан); 6) человек с одной рукой и с одной ногой; 7) подвеска неопределенного назначения. Пластинка прикрепляется к костюму шамана на уровне пояса со спины. Пластинка орнаментирована, на концах заканчивается рогами оленя.

Онгоны

2. Онгон. Деревянная птица (гагара?). Служит при шаманских жертвоприношениях посланцем.

3. Деревянная птица в два раза больше № 2. Лесной голубь витютень, посланец шамана, несет жертвоприношения. Ставится при молениях о здоровье.

4. Гагара железная - с отверстием в спинке для ремня (укон - гагара).

5. Железное туловище оленя с рыбьим хвостом и плавниками.

6. Пирамидальная пластинка, переходящая в рог оленя (?изюбря). Пришивается к шаманскому облачению на лопатки.

7. Олень (сохатый) из железа; по одной ноге спереди и сзади, задняя длиннее.

8. Железное изображение человека. Дух-помощник шамана.

9. Деревянное изображение человека (шовоки - "бурхан из дерева"). Ставится при жертвоприношении за здоровье, именно при грудной болезни.

10. Кулин - змея, сделанная из синей бумазейки, прошита спиралью белой ниткой; в том месте, где предполагается голова, - шесть желтых корольков и два вшитых ремня; другой конец (хвост) раздваивается в виде жгутов, которые, очевидно, проходят через всего змея, обшитые бумазейкой; на одном из жгутов сохранился фиолетовый стеклянный граненый шарик, - сквозь него пропущена нить из замши. Длина змеи - 2 S аршина

11. Передничек (отрезок от передника шаманского кафтана) из замши треугольной формы.

12. Пояс? шамана.

Сшит из оленьей замши; наружная сторона крашена красной краской (из ольховой коры) и ушита вдоль полосками красной и зеленой китайки (два ряда); китайка вшита оленьими жилами, шов проложен белым подшейным волосом оленя; в промежутках между полосками китайки и по верхнему полю пояса вшит спиралью этот же белый подшейный волос; концы пояса заделаны желтой китайкой; по нижнему краю - идет бахрома из оленьих ремешков, которая ритмично переходит в полукружье образование, обшитое кусочками разноцветной китайки; шов оленьего волоса<..> из трех полукругов образует подобие ветки оленьего рога.

13. Обшивка из оленьей замши, по краю - бахрома из ремешков; два ряда китайки - голубой и желтой; швы проложены белым подшейным волосом.

14. Железная крестовина - ручка шаманского бубна.

15. Деревянное изображение птицы с головой человека.

16. Деревянное изображение птицы (гагара - укон), обшитой шкурой козы летнего убоя; обшивка на голове и хвосте погнила.

Предметы №15 и №16 соединены ремнем, который закреплен в стенках изображений.

17. Железная ручка шаманского бубна. Найдена на старой сайбе тунгусского шамана. Бубен погнил, но форма его - яйцевидная.

Предметы охоты

18. ому - колчан старинный; сделан из оленьего камуса; устье оторочено китайкой, низ съеден молью.

19. Нур - стрела старинного лука с железным наконечником и опереньем.

20. Балма (или н(г)осгор) - черкан. Ставится на соболя, хорька, горностая - над норой или по тропе.

21. Алан(г)а - лук на выдру

22. Чалу - стрела от лука на выдру.

23. Алан(г)а - лук на соболя

24. Пача - стрела от лука на соболя

25. Волос-загородка, которая ставится над норой или по тропе возле алан(г)а.

26. Орэун-дудка для клички изюбря осенью после Покрова.

27. Калит - берестяная коробка.

28. Костяная пластинка с бахромой и подвесками челюстей олененка.

29. Даку - женская зимняя одежда".

Дополнительное описание дано для №25-1 (поздний № МК638)

1. "Пластинка железная, изображающая рога изюбря, на ней привешены на железных крученых прутьях: (№МК787):

а) лодка медная луженая - для плавания шамана в потусторонний мир.

б) олень железный - ездовое животное шамана.

в) человек железный - предок шамана

г) медведь железный - помощник шамана

д) человек железный - предок

е) месяц железный - светит в подземном мире

ж) дух-помощник однорукый - железная фигура человека

з) орудие пытки - железная пластинка с усеченным концом.

Прикрепляется к спине шамана, к его кафтану".

Из описания Е.И.Титова неясно, и вряд ли уже можно выяснить (поскольку архивные материалы, включая полевые дневники, в связи с арестом в 1937 г. исчезли), все ли предметы были найдены на похоронном лабазе, или только их часть. В связи с этим непонятно также происхождение орудий труда: были ли они положены на лабаз для ушедшего в загробный мир, или найдены где-то еще.. Вообще известно, что с умершими эвенки укладывают орудия охоты, но сообщения об оставлении самострелов по литературе неизвестны.

Привлекает внимание использование термина "онгоны" для обозначения предметов шаманского культа мелкой пластики, часть которых была нашита на костюм шамана. Остается открытым вопрос, является ли термин "онгоны" аутентичным, или он введен в текст собирателем от себя. Сомнения вызывает тот факт, что термин по существу является бурятским и употребляется обычно в отношении культовых предметов, часто изготовленных шаманом, для использования в повседневной жизни членами семьи, рода. Но, исключать аутентичность термина тоже нельзя, так как контакты с бурятами имелись: у эвенков киндигирского рода - с западными бурятами, эвенки чильчагирского рода - с восточными.

Не вызывает сомнения, что первый номер в коллекции один из наиболее интересных и с научной, и с искусствоведческой точек зрения (мне доводилось видеть его на выставках; в коллекционной описи имеется его рисунок). Общими для плащей/кафтанов всех шаманов, по Г.М.Василевич, были, кроме ровдужных жгутов и бахромы, металлическая пластинка с изображением рогов, которую пришивали на уровне лопаток. Ее имели только опытные шаманы, одержавшие много побед в борьбе с духами. У западных эвенков они назывались *дагул(уек)*. Металлические подвески к шаманскому костюму изготавливали мужчины-сородичи или члены одной территориальной группы, иногда их делал сам шаман; их количество и набор всегда были индивидуальны (Василевич, 1969: 249, 255-256). Обычно остальные металлические подвески, изображающие духов-помощников шамана, нашивались на костюм отдельно; в данном случае несколько изображений прикреплены к вышеописанной подвеске. Эти дополнительные подвески представляют собой атрибуты, которые могли понадобиться шаману во время камлания, например, поисков души больного, и были относительно унифицированными: средства передвижения (в данном случае лодка и олень), духи-помощники (в данном случае медведь, два железных человека, однорукый дух), оружие для борьбы с враждебными духами (в данном случае железная пластинка с усеченным концом), изображения вселенной и дорог (в данном случае месяц).

Далее под названием "онгоны" (№ 2-10) идут разнообразные предметы шаманского облачения: подвески, жгут. К этой же категории собирателем причислены деревянные изображения птиц (№ 2-3), определенные как гагара (?) и лесной голубь, и № 15-16 - деревянные изображения птицы с головой человека и птицы *укоп* (гагара), обшитой летней шкурой козы. Два последних изображения составляют пару.

По И. А.Мазину, гагара исполняла роль носителя шаманской души в водной стихии (Мазин, 1984:57-58); о голубе нет никаких свидетельств, кроме оставленных собирателем: "голубь витютень, посланец шамана, несет жертвоприношения. Ставится при молениях о здоровье".. Вероятно, эти птицы составляли декорацию шаманского обряда лечения больного (поиска и возвращения его души).

Предметы под № 4-8, по всей видимости, представляют собой подвески к шаманскому костюму, в описании к некоторым прямо указано, что они нашиваются на кафтан.

№9 - "Деревянное изображение человека (*швоки* - "бурхан из дерева"). Ставится при жертвоприношении за здоровье, именно при грудной болезни".

Северобайкальские эвенки говорят на шекающем диалекте эвенкийского языка. Из-за тесных культурных и языковых контактов с русскими к эвенкийской основе порой добавляют русские суффиксы и/или окончания. Поэтому *швоки* это то же самое что *сэвэки/сэвэк/сэвэкичан* — амулет в виде антропоморфного изображения, в который с помощью шамана вселялся дух *Энекан Буга* (Мазин, 1984: 28). *Сэвэки/хэвэки/шэвэки* - это благожелательный дух-хозяин верхнего мира; тот же самый дух у забайкальских и амурских эвенков чаще называют Буга (Василевич, 1969:226,231).

№10. Жгут в виде змеи под № 10 прикреплялся, судя по его длине, к поясу шаманского костюма. Возможно, жгут в виде змеи играл роль духа-помощника шамана. Причем изображения змей более характерны для забайкальского шаманства. У западных эвенков жгуты-ленты, изображавшие змей, привязывали к "рогату" головному убору (Василевич, 1969: 256). В описании шаманских костюмов приамурских эвенков А.И.Мазин отдельно пишет о жгуте в виде змеи *кулин*, как составной части "поясной бахромы кафтана" и приводит их изображения (Мазин, 1984:114,156; 119,165; 120,165). Он же отмечает, что *кулин* - многохвостый змей - главный дух-покровитель шамана нижнего мира (Мазин, 1984:69).

Находка №17 представляет остатки от шаманского бубна, уложенного вместе с другими вещами шамана на *сайбе* - лабазе-помосте.

Бубны несли многоплановую семантическую нагрузку, символизировали Вселенную, были местами для шаманских духов-помощников и самого духа-хозяина верхнего мира Энекан буга.

Собиратель сделал заключение, что найденный им бубен был яйцевидной формы. По наблюдениям Г.М.Василевич, бубны западных эвенков были яйцевидной формы, бубны восточных имели круглую или слегка яйцевидную форму (Василевич, 1969:253-254). Исследования А.И.Мазина у эвенков Верхнего Приамурья показали, что их бубны имеют смешанные черты южносибирского и среднесибирского типов, выделенные Е.Д.Прокофьевой, имеют как яйцевидную, так и овальную формы (Прокофьева, 1971:27).

Предметы охоты (№ 18-26) представляют собой детали орудий охоты или вооружения, которые использовались во времена, когда эвенки еще не знали огнестрельного оружия или тогда, когда приобрести его было слишком дорого, или в случае, когда заканчивались боеприпасы. Это старинный колчан для стрел и стрела с оперением. Среди орудий охоты преобладают детали самострелов на выдру, соболя. № 24 представляет собой, скорее всего охотничий амулет.

№ 29 - предмет женской одежды, и он несколько выбивается по тематике из всей коллекции.

Вторая коллекция (старый № 7425) с Верхней Ангары тунгусов Чильчагирского рода состоит из вещей из шаманского погребения.

Коллекционная опись №11. Коллекция № 7425. Собиратель- Титов Е.И. Коллекция по шаманизму.

"Описание похоронного лабаза.

Тунгусский Верхнеангарский Чильчагирского рода шаман Егор Маканчи умер в 1918 г. в с.Кумора, что расположено на левом берегу речки Харчовки, протоки р.Катеры, в 18 верстах от впадения р.Катеры в В.Ангару. Похоронный лабаз Егора был найден в 1920 г.

Егор Маканч(г)и был крещеный тунгус и похоронен обычным церковным порядком на приходском кладбище в с.Иркани - в 3-ех верстах от с.Куморы. Но т.к. он был при жизни шаманом, то полагалось ему после смерти шаманское погребение. Жена Егора, и теперь здравствующая, с сородичами и тунгусами, ревнующими о благе покойного в загробной жизни, воздвигли лабаз шаману.

Находится лабаз Егора на вершине горы, в расстоянии 1,5 верст от дворов Куморы. Вершина горы образует площадку сажен 15 по диаметру. Лабаз устроен немного в стороне от центра к северо-востоку. Два шеста в 9 четвертей высоты воткнуты в землю у подножия высоких сосен; на концах шестов сделаны перекладины длиной в аршин; перекладины соединены жердями длиной четвертей по 14, укрепленные на перекладинах зарубами и образующими поветь как раз под рост человека, направлением по линии от востока на запад. На жерди сложена "сбруя" шамана, прикрытая листовым корьем, которое придавлено с боков двумя шестами.

В головах лабаза немного сбоку вбиты в землю еще два кола с одной перекладиной, на которое повешено все хозяйство шамана, тоже прикрытое корьем.

Возле лабаза на площадке были заметны следы трех костров.

Описание

составлено Е. Титовым"

Здесь были собраны следующие вещи:

Кн.оп.П. №7425-24 (№Д2795) - "конная трость деревянная. Найдено на могиле шамана Е.Маканчи".

Кн.оп. 11. №7425-31 (№Д2796) - "идол "на болезнь" деревянный (шевоки)"

Кн.оп.П. №7425-33 (№МК718) - "часть шаманского передника".

Находка "конной трости", возможно, свидетельствует в пользу культурных связей с бурятами-скотоводами. Под "конной тростью" Е.Титов, скорее всего, имел в виду шаманский посох, который имелся у эвенкийских шаманов из Восточного Забайкалья и Приамурья. Он был характерен для конных групп эвенков и контактировавших с ними оленеводов; известно, что посохи проникали даже к илимпийским

эвенкам. Посох символизировал коня, иногда оленя (Василевич, 1969:254). Исследования А.И.Мазина не обнаружили наличие посохов у эвенкийских шаманов Приамурья (Мазин, 1984:67).

Шаманские передники (известны также как нагрудники) шили после изготовления колотушки и представляли определенный этап в становлении шамана. Даже имея полное шаманское облачение, многие шаманы на маленьких камланиях надевали только нагрудник (Василевич, 1969: 255). Нагрудник выполнял функцию оберега и защищал как панцирь от враждебных духов.

Третья коллекция (старый № 8137) со стойбища Душкачан Верхнеангарского округа, состоит из предметов шаманского культа.

Кн.оп.И. №8137-24 (№Д2922) "эвенки В/ Ангарского округа, Душкачан. Лука от седла".

Кн.оп.И. №7425-25 (№Д1726) "эвенки В/ Ангарского округа, Душкачан. Деревянная антропоморфная маска шамана. Маска найдена при погребении разломанной на две части, что, возможно, было сделано намеренно".

Маски у народов Севера имели ритуальное значение и надевались участниками шаманских, промысловых, праздничных обрядов. Они несли в себе идею перевоплощения человека в иное существо - животное, духа, предка. Эвенкийские маски делали из кожи, дерева (раскрашивали), с XIX в. известны металлические и жестяные. Антропоморфные маски-личины у эвенков надевали только шаманы. Предполагается, что обычай камлать в маске у эвенков исчез к середине XIX в., но маски сохраняли значение священного предмета культа (Северная энциклопедия: 541). Хотя у эвенкийских шаманов Верхнего Приамурья отсутствовали металлические маски, представлявшие духов-помощников (Мазин, 1984:67), такие маски были широко распространены у шаманов забайкальских и некоторых других групп эвенков, надевавшие маски при лечении больных (Иванов, 1975: 25; Василевич, 1969:254).

Предварительные выводы

На примере предварительного анализа вышеречисленных предметов шаманства можно заметить, что шаманство эвенков Северного Прибайкалья нельзя отнести однозначно ни к западному (к западу от линии Лена-Байкал) ни к восточному (забайкало-амурскому) типу шаманству. Эти типы, точнее, границы между ними, впервые выделила Г.М.Василевич на основе анализа различных деталей культуры, прежде всего, особенностей обстановок камланий, шаманского облачения, различных культовых атрибутов (Василевич, 1969: 245,254, 255-256). Возможно, объяснение заключается в том, что эвенки Северного Прибайкалья жили "на стыке" выделенной Г.М.Василевич границы; границу эту, разумеется, не следует понимать буквально, она достаточно условна, о чем есть множество свидетельств в работе самой ученой.

Заключение-размышление

Предметы, связанные с шаманской практикой, могут быть созданы только в соответствующем культурном контексте. По воспоминаниям стариков, в первой половине XX в, в эвенкийских селах на севере Байкала были кандидаты в шаманы, - люди, в поведении которых проявлялись признаки шаманской болезни с определенным набором культурных кодов и символов, которые тогда всем еще были памятны и понятны. Однако идеологические и культурные изменения советского времени, - официальный атеизм, обязательное образование на русском языке, оседание и укрупнение, коллективизация, распространение медицинского обслуживания практически прервали практику шаманства, какой она была известна в прошлом.

«Все оно ушло. Если бы это продолжалось, шаманство, конечно у нас чё-то было бы. Вот в моем роду теперь у нас кто-то должен быть шаманом. Обязательно в роду должен быть шаман.

Но сейчас не получится. В шамана превращаются очень трудно, очень тяжело. Болеют, дурят. А им надо помогать. Для того чтоб в шамана превратился, надо помогать. Вот он чё начинает петь, - оне поют, шаманы, - вот эти слушают старики, ну вообще. А че по-русски они напоят? Не-е, если в шамана будет превращаться, он будет по-тунгусски петь, сила же приходит. Он сам не будет знать, а будет петь. Чё вот надо ему, вот это все надо делать-то ему, чё он просит.

Вот Антонихина-то мать. Она же превращалась в шамана. Ее же все время на привязи держали. Она просила оленя белого из чьей-то стады, где-то там кочевали, чтоб эту кровь выпить. Она просит, значит, там есть олень. Тогда уже советская власть была. Кто поедет? Она так и умерла. Она сама себя загрызла. Это все надо сделать для нее, чтоб в шамана превратиться. Все, все. От и до. А тогда уже врозь, в домах жили, в колхозы загнали» (ПМА, 2005).

Ожидать возрождения шаманской практики, как она описана в трудах исследователей, вряд ли приходится. Поэтому ценность собранных предметов и их описания представляют большой интерес, а также позволяют раскрыть новую грань научной жизни собирателя, человека увлеченного, талантливого и смелого. В подборе коллекций сыграл свою роль интерес исследователя именно к области шаманства, отчасти к предметам материальной культуры (преимущественно охоты). Одновременно при подборе любой коллекции имеется известная доля случайности. Открытым остается вопрос относительно приобретения исследователем для Иркутского музея шаманского костюма, о чем упоминала его родная сестра.

Предметы, относящиеся к шаманской практике, всегда "штучные", полисемантические, имеющие настолько сильную "связь" со своим хозяином, что при расставании с ними шаманы заболели и могли умереть, о чем писали и С.М.Широкогоров, и Г.М.Василевич, и как это случилось с одним из

информантов Е.И.Титова. Собрать их всегда было непросто. Кое-где в тайге Северного Прибайкалья сохранились предметы шаманского культа, например, антропоморфные или зооморфные изображения *сэвэн'ы*, но никто из местных эвенков не смеет притронуться к ним или забрать их для себя; не рекомендуют они это делать и приезжим. Такое же отношение к предметам культа прослеживается у катангских эвенков: в советское время их старались оставить в тайге, в лесу, на лабазах общего пользования или специально выстроенных (Сирина, 2002).

Среди эвенков Северного Прибайкалья сейчас ходят рассказы о том, что в 1970-е годы археологи (иркутские или бурятские) вывезли вещи с шаманского похоронного лабаза, который находился в устье р.Кичеры. Возможно, это произошло значительно раньше, так как информанты не уверены в дате; другое сомнение вызвано тем, что опрошенные мной иркутские археологи и музейеведы не знают о таком факте. И хотя дух шамана, как верят эвенки, частично остается в его культовых предметах, он не пострадал из-за их изъятия. Он может обходиться и без них, поскольку среди эвенков с.Холодное есть такие, которые встречались с ним (ПМА, 2005). Как рассказывала одна эвенкийка о другом давно умершем шамане Северного Прибайкалья:

<«...>он сказал, когда живой был: "вот я умру, одна у меня часть уйдет под землю, вторая улетит на небеса, а третья или первая будет ходить на земле". Его встречали, и сейчас может любой встретить. Прямо так. Живого как есть живого. Только не человек. Тут же исчезает как привиденье».

В статье я сделала акцент на том, что жизнь вещи имеет более длительную историю и многоплановые смыслы, чем может показаться на первый взгляд. Вывоз предметов из культурного окружения и контекста сохраняется в памяти людей, имеет дальнейшее развитие, порой принимает мифологизированные формы. Работа ученого, необходимая для пополнения музеев, образования, научного анализа, для местных людей, принадлежащих к той же самой культуре, осмысливается и переосмысливается как важное событие, влияя на их жизнь. Эта сторона собирательской работы малоизученна и интересна.

И, конечно, эвенкам Северного Прибайкалья, имеющим свои школьные музеи, было бы интересно узнать о том, где и как хранятся предметы, собранные у их предков, какова их судьба и условия хранения в городских музеях. Возможно, они могли бы послужить восстановлению, - не шаманства, но памяти и уважения к своему прошлому в условиях глобализации и надвигающихся опасных проектов.

Литература

Алкин С.В. Забайкальский этнограф и археолог Елпидифор Иннокентьевич Титов // Сибирская заимка. 2001. No 8. Электронная версия размещена на сайте: <http://www.zaimka.ru>

Арсеньев В.К., Титов Е.И. Население Дальнего Востока как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока.- М., 1927.- С.50-77.

Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края.- Хабаровск, 1928.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX в.). Л.: Наука, 1969.

Иванов С.В. Маски народов Сибири. Л.: Наука, 1975.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX-начало XX в.).- Новосибирск: Наука, 1984.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века, Л.: Наука, 1971.

Северная энциклопедия. М.: Европейские издания, 2004.С.540-541.

Сирина А.А. Эвенкийский коллекции в фондах Иркутского областного краеведческого музея (общий обзор) // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск: Оттиск, 2001.- Вып. 8.- С. 139-147.

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.-Иркутск: Оттиск, 2002

Сирина А., Акулич О. «И для меня иной Отчизны нет»//Восточно-Сибирская правда, 2006.11 июля. С.4.

Сто лет со дня рождения Е.И.Титова - этнографа, поэта и литературного критика (1896-1937) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1996 год. Чита: Читинская областная универсальная научная библиотека им.А.С.Пушкина. Сектор краеведческой библиографии, 1996.

Сутурин А.С "Решительно отвергаю..." //Дело краевого масштаба: о жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке.- Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1991.- С.96-121.

Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. С приложением грамматики Кастрена. Чита: Изд-во Читинского гос.музея, 1924.

Титов Е. Я сын земли... Изд-е второе, дополненное и переработанное // Ред.-сост. Л.Ф.. Синицина. Амурск: Амурский городской краеведческий музей.- 2005.-291 с.

Summary

The article is devoted to a heritage of Siberian ethnographer, journalist and writer Elpidifor Innokentievich Titov (1896-1938). He was born in Transbaikalia, Siberia. In 1923 he graduated from Irkutsk State University. E.Titov conducted fieldwork in the northern Transbaikalia, among the Evenki people, as well as in the Far East. He lived and worked in Khabarovsk between 1930-1938, where was repressed in 1938. His scholarly interests included the language, the folklore, and the worldview of reindeer Evenki-Orochony of Transbaikalia. The collection of ethnographical items, which is kept in the Irkutsk regional Museum was one of his reach fieldwork results. It consists mostly of the items on the Evenki shamanism. A.Sirina describes E.Titov's collection and gives some explanation and comments. The preliminary conclusion is that the Evenki of Northern Transbaikalia had both western and eastern shamanistic tradition features.